

Метафизика под ударами позитивистской критики: «новый спиритуализм» Этьена Вашро

А.А. Кротов

МГУ имени М.В. Ломоносова

119234, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, г. Москва, Россия.

krotov@philos.msu.ru

Аннотация. В статье анализируется учение видного представителя спиритуалистической традиции Нового времени. Особенность и значение концепции Этьена Вашро в истории философии определяется прежде всего тем обстоятельством, что его проект был выдвинут как ответ на позитивистскую критику, как попытка вывести метафизику из-под грозящего ей разрушительного удара. Результатом стремления максимально сблизить метафизику с новейшими научными достижениями стала концепция безличного Божества, идеала чистой мысли, несовместимого с доктриной креационизма. Наиболее значительны достижения Вашро в области истории философии, где он стремился сочетать точность герменевтического анализа с теорией прогресса. В политической сфере он провозглашал неизбежность падения аристократических и монархических режимов, возлагая надежды на торжество идеи равенства и верховенство закона. Бескомпромиссность в отстаивании политических идеалов привела философа во времена Второй империи в тюрьму; после крушения режима он получил возможность заниматься законодательной деятельностью. Ему не удалось примирить философские системы, создать метафизический синтез, который определил бы мировосприятие будущего. Но отдельные его идеи и достижения достойны внимания и в наши дни как способные послужить мировоззренческим ориентиром в исследованиях самого разного рода.

Ключевые слова: Этьен Вашро, метафизика, спиритуализм, французская философия, теория истории философии

Для цитирования: Кротов, А.А. «Метафизика под ударами позитивистской критики: “новый спиритуализм” Этьена Вашро». *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 107–139.

Поступила в редакцию: 27.05.24

Принята к публикации: 26.06.24

Metaphysics under the Blows of Positivist Criticism: Etienne Vacherot’s “New Spiritualism”

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University

119234, 27/4 Lomonosovsky prospekt, Moscow, Russia

krotov@philos.msu.ru

Abstract. The article analyzes the doctrine of a prominent representative of the spiritualist tradition of the Modern period. The peculiarity and significance of Etienne Vacherot’s doctrines in the history of philosophy are determined primarily by the fact that his project was put forward as a response to positivist criticism, as an attempt to remove metaphysics from under the threat of a destructive blow. His desire to bring metaphysics as close as possible to the latest scientific achievements resulted in proposing the concept of an impersonal Deity, the ideal of pure thought, incompatible with the doctrine of creationism. Vacherot’s most significant achievements were in the field of the history of philosophy, where he sought to combine the accuracy of hermeneutical analysis with the theory of progress. In the political sphere, he proclaimed the inevitability of the fall of aristocratic and monarchical regimes, pinning his hopes on the triumph of the idea of equality and the rule of law. Uncompromising in defending his political ideals, Vacherot ended up in prison in the times of the Second Empire; after the collapse of the regime, he had an opportunity to engage in legislative activity. He ultimately did not succeed in reconciling philosophical systems and creating a metaphysical synthesis that would determine the worldview of the future. However, some of his ideas and achievements are worthy of attention even today, as they can serve as a worldview guide in research of various kinds.

Keywords: Etienne Vacherot, metaphysics, spiritualism, French philosophy, theory of the history of philosophy

For citation: Krotov, Artem A. “Metaphysics under the Blows of Positivist Criticism: Etienne Vacherot’s ‘New Spiritualism’.” *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 107–139. (In Russian)

Received: 27.05.24

Accepted: 26.06.24

В культуре Нового времени проблема научного статуса философии ставилась неоднократно и получила целый ряд оригинальных решений. Хотя ни одно из них не приобрело в итоге всеобщего, безусловного признания, все-таки они оказались исключительно важны и для дальнейшего развертывания философских исследований, и для всей системы ценностей, составившей духовную атмосферу эпохи. В этом ряду особое место принадлежит концепции, рождение которой непосредственно обусловлено имманентными законами историко-философского порядка: логикой развития спиритуалистической школы, столкнувшейся с сильнейшим давлением со стороны теоретических установок позитивизма. Давнее требование соответствия критериям науки нашло в этом новом учении своеобразное преломление.

Речь о «новом спиритуализме», в рамках которого обрела, пусть и в весьма специфическом виде, свое отражение одна из общих тенденций культуры. Он выступил существенным звеном в развитии философии XIX в., которое все еще недостаточно изучено в российской академической традиции. Сегодня представляется важным также остановиться на причинах неудачи, недостаточной популярности этого проекта, равно как и на тех отдельных его сторонах, которые могли бы послужить частью строительного материала для будущих мировоззренческих моделей.

Этьен Вашро (1809–1897) родился в крестьянской семье, в небольшом селении неподалеку от г. Лангр. Его родители умерли, когда Этьен был совсем маленьким, он воспитывался

теткой, проживавшей в городе. Он блестяще учился в лангском коллеже, затем окончил Эколь Нормаль. Среди профессоров Эколь Нормаль наибольшее влияние на него оказал Жюль Мишле. Вашро также слушал лекции Виктора Кузена по философии истории в Сорбонне, которые произвели на него неизгладимое впечатление. По окончании Эколь Нормаль он преподавал философию в королевском коллеже г. Каор, затем в Версале. В 1839–1841 гг. он публикует три тома лекций Кузена, посвященные моральной философии. Именно Кузен способствовал переводу своего бывшего слушателя из Версаля в Эколь Нормаль. Отказавшись принести присягу, которую потребовали власти от государственных служащих после декабрьского переворота 1851 г., совершенного Луи-Бонапартом, Вашро был вынужден официально покинуть должность и зарабатывать на жизнь частными уроками. Его материальное положение серьезно ухудшилось. Как он выразился в письме к Кузену:

Я несчастлив, мой дорогой учитель <...>. Если я отказался принести присягу, то потому, что я к тому же уловил в этом софизмы, изобретенные, чтобы лгать своей совести¹.

В связи с публикацией его книги о демократии (1859), Вашро предстал перед судом и был приговорен к тюремному заключению сроком на один год. Тираж книги подлежал уничтожению. Впрочем, после поданной им апелляции срок заключения был сокращен. Книга же была переиздана в Брюсселе, вне юрисдикции империи. Символично, что после смерти Кузена Вашро был избран членом Академии моральных и политических наук (1868), заняв в ней место своего учителя. Вскоре после крушения Второй империи он получает назначение на должность мэра 5-го парижского округа. Парижскую коммуну он воспринял как «мерзкое восстание», представляющее собой серьезную опасность для Франции. Третья республика открыла перед ним возможность заниматься законодательной деятельностью. Вашро также часто выступал в прессе по политическим вопросам. Его главные произведения: «Критическая история Александрийской школы» (три тома, 1846–1851),

¹ Léon Ollé-Laprune, *Etienne Vacherot* (Paris: Perrin, 1898), 50–51.

«Метафизика и наука, или Принципы позитивной метафизики» (два тома, 1858), «Демократия» (1859), «Опыты критической философии» (1864), «Религия» (1869), «Наука и сознание» (1870), «Новый спиритуализм» (1884).

В «Предуведомлении» (1841) к изданию лекций учителя Вашро поместил их сжатую характеристику. «Таков предмет лекций, которые мы публикуем. Г-н Кузен непрерывно провозглашает в них существование великих обязанностей и героических чувств, и он указывает их принцип в возвышенной природе разума». Вашро подчеркивал, несомненно, подразумевая собственный опыт, что «подобные учения были хорошо приспособлены, чтобы возвышать и усиливать души; они имели влияние на молодежь, которая толпилась вокруг кафедры прославленного профессора»². Не забывает он упрекнуть «правительство Реставрации» в несправедливом преследовании всех, кто возвышал свой голос в защиту общественных свобод. Именно этим правительством «г-н Кузен был приговорен к молчанию», лишен места преподавателя. Хотя с той поры прошло немало лет, Вашро полон негодования по отношению к «абсурдной» мере, коснувшейся учителя.

В «Критической истории Александрийской школы» он довольно обстоятельно выразил свою философскую позицию. Она тесно связана с историко-философским анализом, что характерно для школы Кузена. Вашро прямо заявлял о том, что его книга многим обязана «ученым трудам г-на Кузена», а также советам Дамирона и «глубокой науке» Берже, его преподавателю в Эколь Нормаль. Его цель – отделить истину от лжи в изучаемом наследии, найти плодотворные зерна в тонкостях изощренных рассуждений древних авторов. Александрийская школа, на его взгляд, должна занимать в истории философии довольно почетное место, наряду с платонизмом и аристотелизмом. Она представляет собой «последнее слово греческой философии» и в этом отношении чрезвычайно важна. Интересна она и тем, что являла собой попытку вдохнуть жизнь в умирающую

² Etienne Vacherot, «Avertissement», dans Victor Cousin, *Cours d'histoire de la philosophie morale au dix-huitième siècle, professé à la faculté de letters, en 1819 et 1820* (Paris: Ladrangé, 1841), X, XII.

цивилизацию и погибающую религию. Хотя попытка эта потерпела неудачу, идеи неоплатонизма, несмотря на эдикт Юстиниана, продолжали оказывать влияние на развитие философии вплоть до Нового времени. Поэтому важно решить вопрос о степени их плодотворности, философской состоятельности.

Собственную исходную мировоззренческую интенцию Вашро сформулировал следующим образом:

Философия должна быть свободной в истории, как и в чистой науке; она не имеет, подобно политике, своих щекотливых и скрытых вопросов. Ее право, как и долг, в том, чтобы все понимать, все объяснять, обо всем судить по мере сил, предоставленных Богом человеческому уму. Таков дух этой книги, как в истории, так и в критике доктрин⁵.

Вашро был глубоко убежден в том, что его труд отстаивает дело науки, а не какой-либо партии философов. Историко-философское исследование – не авантюрный роман, равно как и не собрание интеллектуальных парадоксов, призванное поразить любознательные, но малосведущие в философии умы. Вашро заявлял о своем намерении помочь читателю заново пережить «бессмертные истины», заключенные в учениях представителей Александрийской школы. Для этого, по его мнению, не будет лишним изучение малейших следов влияния неоплатонизма – на Востоке, среди средневековых мистиков, в кругу мыслителей Ренессанса. Найденные неоплатониками истины надлежит очистить от абстракций и фикций.

Он говорил о том, что исповедует «примирение методов и принципов», в истории философии кажущихся вступающими в неразрешимые противоречия. Теоретическая установка подобного рода вполне коррелирует с традициями кузеновского эклектизма. Но Вашро недвусмысленно дает понять читателю, что считает систему Кузена важной подготовительной работой к появлению философии будущего, а не ею самой. Всеобъемлющий философский синтез хотя и заявлен в качестве цели в начале XIX в., хотя и подготовлен трудами, характеризующимися

⁵ Etienne Vacherot, *Histoire critique de l'école d'Alexandrie* (Paris: Ladrangue, 1846), 1:VI.

неординарной эрудицией таких мыслителей, как Кузен, Жюфруа и Дамирон, еще только должен быть «окончательно завершен».

Вашро настаивал на том, что уважение к выдающимся учениям прошлого, преклонение перед достижениями наших величайших предшественников не должно вести философа к забвению собственного долга. В то же время философии не следует увлекаться поверхностной и пристрастной критикой прошлого, что некогда было характерно для многих ее адептов. Рассматривая себя как объективного, лишенного предвзятых идей историка мысли, Вашро говорил о глубоком влиянии греческой философии на христианскую теологию. Важную обязанность ученого-историка он видел в точном понимании смысла изучаемых текстов, в правильной их интерпретации.

«Наука не знает другой ортодоксии, кроме истины»⁴. Для того, чтобы философия добилась уважения современников, она должна говорить «громко и ясно» о своем предмете, с большим уважением к прежним мыслителям, но и с независимостью в своих решениях. Научная философия бескомпромиссна. В отличие от политики, она не признает сделок, полумер, она нетерпима к навязываемым ей господам, ибо ее единственный интерес – служение истине.

Философ, согласно Вашро, превращается в презренного софиста, когда он под предлогом сохранения мира, стремления к покою, комфорту или ради ложно понятого уважения к преобладающим мнениям решает маскировать, скрывать свою подлинную точку зрения. В этом случае он пренебрегает своим долгом, ибо недопустимо смешивать умеренность с трусостью, равно как «мудрость мыслителя с ложью писателя».

Вероятно, не без влияния изучаемой им неоплатонической традиции Вашро заявлял, что философу надлежит практиковать забвение самого себя при созерцании истины. В своих поисках философ обязан следовать благоразумию, а в выражении найденной истины должен оставаться непреклонным и свободным. Ему должна быть чужда забота об исключительной оригинальности, так же как и неумеренное честолюбие, постыдное

⁴ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:III.

тщеславие. Ему следует вдохновляться стремлением к свету истины.

Многим современникам, намекает читателю Вашро, явно недостает этих качеств подлинного мудреца. «Подводный камень философии в эти грустные дни не смелость, но двусмысленность и ложная осмотрительность»⁵.

В своем исследовании идей неоплатонизма Вашро не устал повторять, что, обращаясь к прошлому, философ всегда вглядывается в настоящее:

Именно ввиду судеб современной философии мы изучили александрийскую мысль во всех фазах ее развития. Ничего не преувеличивая, в особенности не забывая различия времен и обществ, невозможно не заметить многочисленных и своеобразных аналогий между александрийской эпохой и нашей. Тогда, как и сегодня, дряхлеющее общество близко к разрушению, без доверия к своим учреждениям, без веры в свои догмы, отбрасываемое в прошлое, которому больше не верит, из-за страха перед будущим, которое оно едва ли торопит; философия <...> богатая эрудицией, бедная наукой, предпочитающая воспроизводить полностью готовое учение, чем создавать нечто работой собственной мысли⁶.

Неоплатонизм, настаивал Вашро, учение систематическое, чуждое «незначительному эклектизму» и синкретизму. В неоплатонизме он видел масштабную попытку примирить опыт и разум. Александрийская школа истолковывается Вашро как закономерный итог античной мысли. В момент своего возникновения греческая философия, на его взгляд, исходила из неполноты довольно поверхностного опыта. Отсюда ее разделение на множество течений. Ионийцы смешивали внутреннюю, субстанциальную основу жизни с внешними условиями ее обнаружения. Они сконцентрировались исключительно на чувственном мире, в котором стремились отыскать сущность всех вещей. Таким путем зарождается эмпиризм как первая форма философии. В физических стихиях философы пытались усмотреть основу

⁵ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:V.

⁶ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:451.

бытия. Подобный подход означал, что за принцип объяснения принимались вторичные причины, а не выходящие за пределы природы (метафизические) начала. Постепенно от первых смутных своих форм эмпиризм восходит к четкому систематическому видению мира древних атомистов. Это философия механистического материализма, которая, согласно Вашро, ведет к абсурдным заключениям, хотя и выглядит более совершенной постройкой, чем ранние вариации эмпиризма.

Рождение идеализма автор «Критической истории» связывал со школой элеатов. Она провозглашала реальность единым, неподвижным бытием. Главная опора ее диалектики – абстрактные понятия. Это довольно узкая основа для философствования, приводящая к рискованным заключениям. Вступив в неизбежное соперничество, обе начальные формы эмпиризма и идеализма «взаимно уничтожаются», уступая место беспринципной софистике. Затем происходит их восстановление в более последовательных, обстоятельно развитых, новых системах. Платонизм представляет собой по сравнению с элейской школой более глубокую форму идеализма. Платонизм открывает идею как умопостигаемую сущность, прообраз чувственно воспринимаемых вещей. Вашро подвергает критике платонизм за неспособность выдвинуть удовлетворительное объяснение мира. По мнению французского философа, Платон в своем учении прибегал к «пустым метафорам», ничуть не прояснявшим, как реально сущее могло бы оказаться причастным идеальному.

Философию Аристотеля Вашро квалифицировал как эмпиризм на новом этапе его развития, притом отличающийся логичностью, фундаментальностью, ничего не оставляющий на волю случая. Это – самая «замечательная философия» древности, рожденная ориентацией на опытное познание. Согласно Вашро, Аристотель использовал интуицию, руководимую «методом дефиниций». Но, достигнув поразительных результатов в изучении явлений в пределах реального мира, Аристотель оказался несостоятелен в поисках высшего начала. Произошло это потому, что Аристотель, ориентируясь исключительно на опыт, отождествил всякую форму бытия с индивидуальным существованием. Высшая форма в его учении оказалась чрезмерно удалена от мира вещей.

Затем выдвигается скептицизм, намеревавшийся воспользоваться борьбой философских школ, чтобы подорвать авторитет догматизма в любом его виде. Наконец, происходит возвышение неоплатонизма. Эта школа стремилась положить предел анархии мысли, бесплодному столкновению приверженцев различных школ. Она заключала в себе тенденцию к примирению, к широкому синтезу в области философского мышления. В ее недрах велась работа по согласованию учений Платона и Аристотеля. Выдающиеся представители Александрийской школы понимали, что требуется найти компромисс между методами двух великих умов древности. Согласно Вашро, Александрийская школа – подлинная вершина античной мысли, ее «самый совершенный и самый глубокий синтез». Ей удалось соединить в своем видении бытия умопостигаемый и чувственно-воспринимаемый миры, по-своему, благодаря новой интерпретации, поставить вопрос о преодолении разрыва между разумом и опытом. Вашро считал, что к неоплатонизму применим термин «эklekтизм», но в его самом возвышенном значении, исключающем нелепое нагромождение несоединимого, бездумное рядоположение разнородных элементов.

Противоречие школ могло быть устранено только объединяющим их более высоким принципом:

Неоплатонизм – первая школа, которая поняла истинное отношение чувственного к умопостигаемому, реальности к идее, мира к Богу, постигая один из этих пределов как естественное развитие и внешнюю форму другого; первая также, которая смогла объяснить таинственное сосуществование индивидов в универсальном Бытии⁷.

Стоики, в отличие от неоплатоников, смешали в своем пантеизме (с материалистическим оттенком) универсальное с существующим. Заслуга же Александрийской школы, по Вашро, в верном истолковании соотношения индивидуального и всеобщего, которое постигнуто в его «абстрактной и нематериальной» чистоте. Эта школа первой сумела выявить, как именно

⁷ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:460.

сохраняют свою природу и действуют индивиды в лоне мировой жизни, получив свою сущность от универсального Бытия.

Несмотря на все ее достоинства, Александрийская школа, согласно автору «Критической истории», свою главную задачу не выполнила, не добилась примирения систем, не устранила причин противоречий между ними. Опыт и разум, несмотря на все усилия ее лидеров, не обрели в неоплатоническом синтезе своего оптимального соотношения. Неоплатоники так и не поняли, что опыт – условие любого акта нашего мышления. Опыту они придавали служебное значение, не заметив, что его роль куда существеннее. В результате Аристотелем они пожертвовали в угоду Платону, а отношение различных элементов в рамках предпринятого ими синтеза оказалось смещено в сторону от его реальных границ. В неоплатонизме все жизненные действия в итоге оказались подчинены мистицизму, а философские традиции – одной, получившей внутри предложенного Александрийской школы синтеза фактическое преобладание. По мысли Вашро, неоплатонизм соединял абстракции, полученные методом «тонкого анализа», с заимствованными с Востока образами, которыми оперировала теология. Дух неоплатонизма оказался слишком узок для того, чтобы вместить в себя все достижения античной мудрости. Разум и чувственный опыт оказались подчинены «экстраординарному и трансцендентному образу действий, экстазу». В то же время «принцип принципов» неоплатонизма, Единое, представляло собой только абстракцию, общее условие бытия. Попытка возвыситься от бытия к чему-то сверхсущему, по мнению французского философа, представляла собой «химерический акт», странное злоупотребление «рациональным методом». Божественная природа не только не постигалась таким путем более адекватным способом, но, напротив, всецело растворялась в некоей абстракции. Вашро призывает мыслить Бога в сфере бытия, а не сверхсущего, иной путь, на его взгляд, ведет лишь к «мистическому ничто».

Общую неудачу Александрийской школы Вашро связывал с недостатками применявшегося ею метода. Недостатки эти были свойственны, по его мнению, большинству философских направлений. Ибо прежде, чем создавать завершенную систему,

надлежало произвести полный анализ, своего рода инвентаризацию всех доступных и законных познавательных средств, находящихся в распоряжении человеческого разума. Такого рода анализ с позиции эклектизма Вашро предлагает сам в своей «Критической истории».

Он настаивал на том, что избежать односторонности оценок, смешения познавательных границ и уровней помогает только предварительное изучение природы каждой из человеческих способностей, притом проведенное с точки зрения науки:

Всякий серьезный эклектизм предполагает, следовательно, некоторое учение; но это учение должно покоиться на полном анализе элементов познания. Чтобы объединить доктрины, нужно предварительно примирить методы, приемы, способности ума; чтобы сблизить идеализм и эмпиризм, спиритуализм и сенсуализм, необходимо восходить к их законным истокам, к опыту и разуму, ощущению и сознанию⁸.

Французский мыслитель полагал, что примирение философских систем окажется возможным после того, как будет выявлено отсутствие противоречий между познавательными способностями человеческого ума. Одно выступает следствием другого. В противном случае эклектизм будет несостоятелен, не сможет выполнить своей задачи. В предшествующей истории философии подлинного примирения доктрин достигнуто еще не было.

Согласно Вашро, греческая философия «умерла», так и не утвердив мира в царстве разума. Задачу получила в наследство новоевропейская мысль. В иных условиях возродилась борьба между эмпиризмом и идеализмом. Декарт провозгласил принцип «когито», но опирался он фактически на простой акт ума, между тем как реальная, не абстрактная мысль всегда является «отношением ума к объекту». Вашро утверждал, что верование в существование внешнего мира нельзя доказать только рассуждением, необходимо «внешнее восприятие», упускаемое идеализмом из вида. Декарт не смог выйти за пределы сознания,

⁸ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:470.

поскольку сосредоточился исключительно на чистом мышлении, взятом вне связи с его подлинными условиями.

Главный недостаток учения Спинозы Вашро видел в забвении опыта. Концепцию же субстанциального монизма он не ставит в упрек нидерландскому мыслителю:

Возможно, даже необходимо постигать всякое индивидуальное и конечное существование в лоне бесконечной и универсальной субстанции⁹.

Ошибка Спинозы – в разделении бытия и индивидуальности. Спиноза использовал метод, аналогичный «диалектике Платона», в то время как ни дедукции, ни априорные модели не позволяют создать реальную науку о мире и человеке. Спиноза пожертвовал «мир Богу, опыт разуму». Ему следовало бы науку о Божестве выстраивать посредством разума, науку о мире и человеке – при помощи опыта. Гоббс, по мнению Вашро, обладал хотя и сильным, но весьма ограниченным умом, потому противопоставил картезианству «грубый материализм». Затем Локк свел мышление к ощущению и рефлексии. Беркли выдвинул учение, являвшееся, по существу, крайним выводом из картезианства, всегда вызывавшего «протест» со стороны опыта. Лейбниц предпринял попытку примирить все школы, но глубина его идей не сочеталась с тщательной проработкой деталей выдвинутой им системы. Концепция монад разбивала на мелкие, независимые части универсальную жизнь:

Если истинно, что всякий индивид имеет принцип движения и действия в самом себе, как превосходно показал Лейбниц, не менее истинно и то, что он составляет неотъемлемую часть универсальной Субстанции, бесконечного Бытия, в котором он живет и движется¹⁰.

Кроме того, Лейбниц понимал эклектизм слишком широко, пытаясь найти компромисс даже там, где он был невозможен. Поэтому борьба учений продолжилась и после него. Во Франции утвердился сенсуализм Кондильяка, в Англии – скептицизм

⁹ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:479.

¹⁰ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:484.

Юма, в Германии – критицизм Канта. Фихте, Шеллинг и Гегель, отправляясь от кантовского учения, защищали догматизм нового типа. Истину они искали в самом субъекте, превращая формы рассудка в «субстанциальные принципы вещей». Внешняя реальность превращалась в «несовершенный образ истины», коренящийся в субъекте. Дух и природа представляли разными фазами эволюции идеи. Вашро усматривал в подобном философском повороте «реминисценцию александрийской философии» в Новое время. Он ссылается на Плотина, который выстраивал учение о познании на «тождестве ума и умопостигаемого». Вашро утверждал, что разум неверно уподоблять зеркалу, а идею – простому отражению внешних данных. Он заявлял о правоте великих идеалистов, трактовавших реальность как отображение мышления. «Без мышления нет истины. Это не значит, что ум конституирует реальность». Ибо нелепо отрицать существование реальности вне мышления, объективно, независимо от него. Но реальность получает свою познаваемую форму благодаря мышлению. «Всякая истина существует в мышлении; но мышление имеет условием реальность»¹¹. Человеческий ум опирается на связанную с опытом интуицию, которая, в свою очередь, предполагает в качестве условия наличие внешнего объекта. Потому верно заключение, что ум не действует в пустоте, помимо внешних условий нашего опыта.

Автор «Критической истории» подчеркивал, что первым значимым явлением французской философии XIX в. выступил эклектизм. Это событие отражало общую логику историко-философского процесса, необходимость решения давней задачи примирения систем. Остро чувствовалась недостаточность всех прежних доктрин, равно как и потребность в решительном соединении, согласовании опыта и разума. Задача эта пока не решена:

...эклектизм еще только предрасположенность умов, непреодолимая тенденция современной мысли; он не является доктриной, ни даже методом¹².

¹¹ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:489.

¹² Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:490–491.

Высказывание довольно категоричное и сверхкритическое по адресу кузеновского эклектизма. Вашро говорил о том, что сам термин эклектизм не слишком удачен, но предмет, на который он указывает, исключительно важен. Было бы ошибкой судить о предмете только на основе термина, как поступают многие его противники.

Вашро резюмирует свой подход кратким определением эклектизма:

Для нас эклектизм есть синоним синтеза; эклектический метод есть метод, который объединяет все легитимные приемы человеческого ума; эклектическая доктрина есть та, которая охватывает все элементы реальности¹⁵.

Выступая против ложного, по его мнению, истолкования эклектизма, он настаивал, что философское творчество нельзя понимать просто как выбор элементов из различных систем прошлого. Глубокое философское мышление всегда оригинально, очень лично, хотя и неотделимо от традиции: «всякая философия порождается прошлым, в большей или меньшей степени», но к этому прошлому несводима.

Французский мыслитель проводил аналогии между современным ему состоянием философии и эпохой Александрийской школы. В обоих случаях он видел недостаток новаторских идей и обилие знаний о взглядах предшественников. В современной философии он усматривал зародыши будущих плодотворных решений, задействованных пока еще слишком слабо, недостаточно. Так, многие давно осознали роль психологического анализа как отправного пункта современной науки, но не продвинулись достаточно далеко в этом направлении. Ни одна из человеческих способностей не была описана точным, исчерпывающим образом. Философ призывал не поддаваться влиянию распространенных представлений, которые нередко связывают со здравым смыслом:

Всегда непогрешимый признак истины есть очевидность: таков единственный авторитет, который подходит для свободной

¹⁵ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:491.

мысли. Эклектическая философия хорошо сделает, если вернется в этом случае к критерию Декарта¹⁴.

Картезианскую очевидность он, по существу, связывает с научной точностью (ясность и отчетливость идей), противопоставляя ее позиции дилетантов от философии, ссылающихся на неподтвержденные данные, принимаемые за истину, будто бы раскрываемую здравым смыслом.

Хотя история и является «замечательным введением в науку», настало время, полагал Вашро, взяться с новыми силами за решение великих проблем, завещанных человечеству его прошлым. Подлинный эклектизм на современном этапе гораздо более нуждается в опоре на психологию и критику, чем на эрудицию и историю. Таким образом, в основе проекта примирения философских систем должна лежать теория познания, выстроенная при помощи надежных психологических данных. Если прежней науке подобных данных не хватало, то в середине XIX в. ситуация сложилась иная, вполне позволяющая найти недоступное ранее решение.

Автор «Критической истории» выделял три решающих в гносеологическом отношении элемента: ощущение, сознание, разум. Восприятия, связанные с человеческой чувствительностью, сами по себе истинны, ошибочны только наши интерпретации. То же касается и внутренних данных сознания. Любая рациональная теория имеет свой предмет, заблуждения метафизического свойства проистекают из неудовлетворительных дефиниций либо неверно выстроенных дедукций. Зачастую ошибки коренятся в увлечении абстрагированием. Таким образом, «все, что ум может познать, он познает только через чувства, сознание или разум»¹⁵. Отсюда Вашро выводит правило «непогрешимой критики» философских систем: следует всегда, при их анализе, восходить к элементарным понятиям мышления, определяемым тремя гносеологическими способностями.

Гносеологический фактор он использует как критерий объяснения историко-философского процесса:

¹⁴ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:493.

¹⁵ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:495.

Из этого различия способностей рождается разнообразие точек зрения в созерцании реальности. Объект познания неизменен и представляет всегда одни и те же стороны; но перспектива меняется, сообразно позиции наблюдателя¹⁶.

В частности, если ум пытаются редуцировать к чувственному восприятию, объяснение мира дается в материалистическом ключе. Универсум в этом случае кажется дисгармоничным, подчиненным слепому детерминизму. Когда за точку отсчета берется сознание, внешнее бытие уподобляют внутренней силе, природу трактуют как совокупность монад. Если же отдают приоритет в ходе философствования разуму, вселенная рассматривается в качестве органического целого, целесообразно устроенного.

Вашро утверждал, что подлинно философский метод предполагает опору на все три приема нашего мышления, но взятые не в отрыве друг от друга, а в нерасторжимом единстве. Если бы познавательные способности находились в действительном противоречии, то философия не имела бы никакой ценности. Но противоречия, как полагал французский мыслитель, присутствуют не между способностями человека, а между отдельными системами, занимающими непримиримые позиции. Ибо ум един, хотя в акте мышления надлежит видеть сложность, а не простоту:

Ощущение, сознание, разум не являются разными модусами мышления, отличными и независимыми друг от друга, но конституирующими и неотделимыми принципами всякой мысли¹⁷.

Изъятие хотя бы одного из его элементов (восприятия, интуиции, понятия) уничтожает мышление как таковое.

Истина, таким образом, тройственна в гносеологическом отношении, а фрагментарное ее рассмотрение ведет не только к неполноте, но прямо к грубым заблуждениям. Размышляя о философии будущего, Вашро настойчиво проводил мысль о недостаточности сбора урожая на полях прошедших времен.

¹⁶ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:495.

¹⁷ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:499.

Обновления философии не добиться, только коллекционируя уже обретенные знания. Тем более в условиях противостояния систем. История – всего лишь подспорье в поисках новых форм истины, но эрудиция никогда не заменит научного анализа. Более того, не оживляемая поиском творческой мысли, бесплодная эрудиция способна умертвить философию. Серьезной опасностью для эклектической философии он считал непродуманное смешение учений, вызванное чрезмерным рвением к их примирению:

Не из рядоположения, ни даже из сочетания или глубокого слияния исправленных и очищенных систем, выйдет новая философия, но именно из систематического союза, из синтеза способностей, приемов, методов и принципов человеческого ума¹⁸.

Таково его понимание будущего, к формированию которого, очевидно, он ощущал себя причастным в очень высокой степени.

Истолковывая философию в духе концепции прогресса, Вашро полагал, что она никогда не будет завершена. Но ее конституирование в качестве научной дисциплины, наконец, произойдет, по его прогнозам, в самое ближайшее время. Для этого, прежде всего, необходимо выполнить два условия:

Ничего не исключать, ничего не смешивать, таковы два правила, которым философия нашего времени должна следовать постоянно, либо в прямом поиске истины, либо в критике систем, никогда не жертвуя одним в пользу другого¹⁹.

Конечно, как и в любой науке, в ней останется место полемике. Но вместе с тем уже не будет идти речи о том, чтобы постоянно начинать ее строительство с самого фундамента. В отношении метода и принципов уже не останется разногласий. Что же до истории философии, она навсегда сохранит свою значимость. Ведь в выдающихся учениях нашли выражение «различные интеллектуальные ситуации» на общем пути человечества:

¹⁸ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:508.

¹⁹ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:511.

Ум имеет свои законы, которые одинаковы для истории универсальной мысли, как для истории мысли индивидуальной²⁰.

Идея эта вполне сходна с установкой позитивизма: как в родовом отношении, так и индивидуальном человеческий разум проходит одинаковые состояния²¹. Но в то же время перед нами не «калька» с позитивистской схемы, ибо Вашро отнюдь не склонен защищать контовский закон «трех стадий». В гораздо большей степени Вашро зависим в своей концепции от кузеновского эклектизма. Ибо у своего учителя встречает он мысль о психологии как основе для понимания философии:

Человеческий разум есть как бы оригинал, более или менее верным, более или менее полным представлением которого является философия. Искать в человеческом разуме корень различных систем – это, следовательно, всего лишь искать следствия в их причине, это извлекать историю философии из ее наиболее достоверного и возвышенного источника²².

Кузен писал о четырех типах систем, постоянно воспроизводящихся в истории. Устойчивые типы философских учений выделял и Вашро. Вместе с тем для Кузена критерий отбора истинных элементов в истории выглядел заданным изначально:

Наше истинное учение, наше подлинное знамя – спиритуализм, эта философия столь же основательная, как и благородная²³.

Конечно, немаловажным в случае Вашро было и влияние Гегеля. Это не случайно, ибо Гегель оказал влияние и на Кузена. Как справедливо отмечает И.И. Блауберг:

На самом деле Кузен довольно многое вынес из знакомства с воззрениями немецких мыслителей. Он активно пропагандировал во Франции их идеи. Постепенно влияние немецкого

²⁰ Vacherot, *L'école d'Alexandrie*, 3:520–521.

²¹ Auguste Comte, *Cours de philosophie positive* (Paris: Baillière, 1864), I:8–11.

²² Victor Cousin, *Histoire générale de la philosophie* (Paris: Didier, 1867), 5.

²³ Victor Cousin, *Du vrai, du beau et du bien* (Paris: Perrin, 1884), III.

идеализма стало все больше сказываться на курсах лекций, которые Кузен читал в Сорбонне²⁴.

Свою онтологическую концепцию Вашро обстоятельно развил в труде «Метафизика и наука». В этой работе он проводил тезис о бессилии современной метафизики и недостаточности науки. Он выступал против двух мировоззренческих позиций. В то время как позитивисты и многие ученые считают метафизику наукой давно мертвой, сторонники кузеновского эклектизма полагают ее вполне законченной. В обоих случаях, согласно Вашро, заключают без достаточных оснований:

Нет, история не сказала своего последнего слова о проблемах, которые составляют предмет метафизики²⁵.

Большинство же современников судят о метафизике довольно поверхностно, руководствуясь такими ориентирами, как мода, политика, лень, непонимание высших истин. Поэтому Вашро видит необходимость в публикации большого произведения, посвященного метафизическим вопросам.

Он настаивал на том, что ожидать рождения подлинно научной метафизики следует именно в XIX в. Школу Кузена он упрекает в попытках выстроить науку на основе систем XVII в., возврате к идеям Декарта, Мальбранша, Фенелона, Боссюэ, Лейбница. Между тем Кант нанес догматизму сокрушительный удар, не считаться с которым – большое упущение. Французский эклектизм кузеновского типа может вызывать восхищение, но наукой его считать нельзя. Блестящий стиль никогда не заменит точности, доказательности.

Вашро настаивал на том, что стремится не к оригинальности, а к научности в области метафизики. Не увлекающий новизной «парадокс», но простая и естественная мысль, отвечающая «прогрессу позитивных наук», должна служить опорой

²⁴ И.И. Блауберг, «Встречи на “тропе философов” (к вопросу о франко-германских философских контактах в XIX в.)», *Вопросы философии*, № 8 (2013): 156.

²⁵ Étienne Vacherot, *La métaphysique et la science ou principes de métaphysique positive* (Paris: F. Chamerot, 1858), 1:VI.

метафизики. В конечном счете целью своего труда Вашро провозглашает примирение метафизики с наукой. Научная метафизика не вправе игнорировать историю философских поисков. Ее исходный пункт – анализ и критика уже достигнутого. Прежде чем прийти к правильному заключению, следует остановиться на аргументах и методах, представленных в истории мысли. «Я не единственный, кто прошел через неминуемую последовательность систем, через материализм, спиритуализм, идеализм, эклектизм, критику, прежде чем прийти к подлинно научному убеждению». Такой путь, полагал Вашро, неизбежен для всякого непредвзятого исследователя, причастного к философскому образованию.

Эта серия концепций и систем, этот диалектический процесс, выражаясь, как Гегель, мне кажется законом всякой свободной и полной индивидуальной мысли²⁶.

Но описанный интеллектуальный маршрут полностью пройдет не всякий. Кто-то может остановиться на полпути, кто-то подпасть под очарование той или иной формы догматизма. Недостаток смелости, последовательности, утонченности замедляет и даже останавливает движение мысли к научному взгляду на действительность.

«Позитивная метафизика», эта философия будущего, не может считаться ни эмпиризмом, ни идеализмом в прежнем значении этих терминов. Ее предмет – необходимое, бесконечное, абсолютное и универсальное бытие. Метафизика охватывает круг проблем, связанных с теологией и космологией. Метафизика необходима науке, когда она устремляется к общему пониманию вещей. Прежняя теология, с осуждением констатирует Вашро, приучала поклоняться идолам и абстракциям. Поэтому она привела к атеизму. Она либо ложно приписывала Божеству физические и психологические атрибуты, логически несовместимые с метафизическими характеристиками его сущности, либо же отрывала Бога от мира и реальности, превращая его в чистую абстракцию. Метафизические проблемы надлежит решать, по мысли философа, не упуская из вида научный подход:

²⁶ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 1:XVI–XVII.

разум обязан опираться на опытные данные, не иначе. Метод научной метафизики – наблюдение и анализ. Такой подход исключает, согласно Вашро, понимание Бога как личности. От этого взгляда он призывает отказаться, так же как и от заблуждений атеизма.

Теологии нужен Бог разума и науки, а не Бог искусства, каким бы совершенным он ни был. Метафизика ищет истину, не красоту²⁷.

Как часть метафизики будущего,

теология в собственном смысле слова есть наука о Бытии бесконечном, абсолютном, универсальном, совершенном, постигнутом в своей идее и за исключением всякой реальности²⁸.

Теология исследует универсальный идеал. Космология – наука об универсальной реальности. Теология и космология изучают один и тот же объект, но в разных отношениях. Поэтому всякое значительное открытие в космологии, всякий установленный закон так или иначе оказывают влияние и на теологию. Следовательно, неверно считать теологию введением к космологии:

Интеллигибельный мир предстает перед нами настолько более богатым, насколько лучше познан чувственный мир. Лучшими откровениями, которыми теология могла бы обогатиться, являются откровения позитивной науки²⁹.

Французский философ полагал, что все «дефиниции и доказательства» метафизики предполагают аксиому о повсеместном существовании бытия. Идея небытия противоречива. Соответственно, человеческий разум мыслит бытие как бесконечное, абсолютное и т.д. Существование Бога, как и любая начальная метафизическая истина, доказывается аксиоматическим образом. В понятии каждого конечного, относительного феномена присутствует элемент абсолютного и бесконечного. Логика не может их разделить, одно предполагает другое. Следовательно,

²⁷ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 1:XXX.

²⁸ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 2:499.

²⁹ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 2:502.

утверждая феномены, мы утверждаем и существование Бога. «Да, имели основание так говорить: все обнаруживает, все утверждает, все доказывает Бога, соломинка столь же хороша, как Вселенная»³⁰. Теология изучает бытие вне времени и пространства, вне реальности, это «Бытие в себе чистого разума». Такое Бытие неверно было бы считать душой, личностью, творцом. Креационизм Вашро категорически отвергал, считал его несовместимым с наукой. Это фикция, поскольку, по его мнению, Бог и мир – «один и тот же объект, рассматриваемый в двух различных аспектах». Они едины, символизируют одну сущность. Мир – не творение, а Бог – не демиург. Они характеризуются субстанциальным тождеством и логическим различием. Безличность Бога Вашро обосновывал ссылками на то, что в противном случае он обладал бы сознанием, т.е. был бы ограниченным. «Что до совершенного Бытия, Бога теологии, он всего лишь высший идеал мышления»³¹. Этот идеал не может быть сведен к пантеизму, де-факто упраздняющему свободу и долг. Космос, в свою очередь, охватывает все, развивающееся в пространстве и времени. Всякий индивид в космосе несамодостаточен, зависим в своей активности от универсального бытия.

Таким образом,

Универсальное Бытие может быть рассмотрено в двух аспектах: в своей *идее* и своей *реальности*. В своем первом аспекте это Бог; во втором это Мир³².

Теология, как пояснял Вашро, бесполезна в деле познания природы конкретных вещей, но она важна для общего их объяснения. Мир в каждой из своих частей постигается только опытным путем.

В книге «Демократия» Вашро объявлял временными и переходными такие формы правления, как аристократия и монархия в любом ее виде:

³⁰ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 2:513.

³¹ Vacherot, *La métaphysique et la science*, 2:537.

³² Vacherot, *La métaphysique et la science*, 2:533.

Задающему вопрос: где политическая истина? Можно отважно ответить: в демократии, и только в демократии. Демократия есть единственная истинная форма политики³³.

Вашро утверждал, что злоупотребление именем демократии побудило его к написанию книги. Некоторые политики заявляют, будто демократия уже осуществлена с отменой феодальных привилегий. Другие считают высшим завоеванием демократии всеобщее голосование, независимо от сопряженных социальных условий. Между тем нищета, безнравственность и невежество обесценивают это завоевание. Намекая, по-видимому, на режим Второй империи, Вашро писал о том, что находятся люди, чуждые понятиям свободы и достоинства, которые отождествляют с демократией деспотизм, прикрывающийся всеобщим голосованием как инструментом угнетения. Философ провозглашал, что намерен очистить идею демократии от ложных ее истолкований.

Согласно Вашро, в политическом отношении демократия означает верховенство закона, опирающегося на общую волю. В социальном плане она предполагает существование условий, согласующихся с идеей гражданской свободы. В моральном отношении демократия не признает «иной веры, кроме совести», единственный авторитет для нее – разум человека. В экономическом аспекте демократия предусматривает везде, где это возможно, замену отношений хозяина и наемного работника свободной ассоциацией.

Как бы то ни было, демократия не только идеал современных обществ; она их более или менее близкое будущее³⁴.

Идея демократии справедлива, потому она будет реализована.

В «Опытах критической философии» Вашро размышлял об условиях познавательного процесса. Он призывал при решении различных проблем решительно отбрасывать в сторону априорные концепции, неподтвержденные гипотезы, абстрактные предположения. Решение будет тем точнее, чем внимательнее

³³ Étienne Vacherot, *La démocratie* (Paris: F. Chamerot, 1859), 2.

³⁴ Vacherot, *La démocratie*, XV.

относится философ к данным позитивной науки. Он констатирует кризис в современных философских исследованиях, который выражается в разногласиях, выраженных в противостоянии материализма и спиритуализма. Материализм, основывающийся на чувственных восприятиях, воспроизводит старые схемы, подкрепляемые ссылками на современные науки. Спиритуализм, в свою очередь, взывает к здравому смыслу, спасению души и общества. Философия обязана идти вперед, не руководствуясь соображениям религиозного и политического толка: «Наука ради науки, истина ради истины, таков должен быть ее девиз»³⁵.

Кризис ставит под сомнение само существование метафизики, ибо ей угрожает могущественный противник в лице позитивизма. По мнению Вашро, позитивизм соответствует важной склонности человеческого ума, стремлению опираться в своих суждениях на опыт. Поэтому он заявляет, что подлинный отец позитивизма – не Огюст Конт, а эмпиризм. Свою силу позитивизм черпает в общей тенденции века – в требовании исходить в философии из научных суждений. Вашро не намерен бороться с этой тенденцией века, он считает ее законной. Его намерение в другом – защищать метафизику, опираясь в решении ее вопросов на метод позитивной науки. Он говорил о том, что изучение сущности вещей возможно, если понимать его в научном ключе, как выявление главных их свойств и законов, представленных реально, независимо от наших чувственных восприятий. В отличие от частных наук, метафизика прибегает к обобщениям более высокого уровня.

Вашро утверждал, что на протяжении всей своей истории метафизика взаимодействовала с наукой. «Во все времена метафизика заимствовала у науки, и в особенности у наук о природе, элементы своих систем и доктрин»³⁶. Главное отличие современной ситуации в том, что по сравнению с древностью сами науки достигли зрелости, не довольствуются туманными аналогиями и умозрительными конструкциями. Впрочем, французский философ признавал, что на прежних отрезках истории метафизика нередко навязывала свои априорные схемы науке.

³⁵ Étienne Vacherot, *Essais de philosophie critique* (Paris: F. Chamerot, 1864), 5.

³⁶ Vacherot, *Essais de philosophie critique*, 13–14.

В девятнадцатом столетии Шеллинг, Гегель и Кузен ставили целью охватить факты и теории позитивной науки в своих метафизических построениях. Но затем эта «высшая работа мысли» была приостановлена как в Германии, так и во Франции. Наука дистанцировалась от философии, и потому Вашро ставит своей задачей восстановить их плодотворный союз. Он верил в вечность метафизики.

В сочинении «Религия» Вашро применяет к исследуемому предмету концепцию прогресса. Истоки религии, по его мнению, коренятся в человеческой природе, их надлежит искать посредством психологического анализа. В то время как «верующие века» возносили религию над разумом, столетие Просвещения низводило ее в разряд шарлатанских изобретений. Вашро призывает к беспристрастности, к объективной оценке религии, независимо от моральных и метафизических предпосылок. Он констатирует прогресс в «религиозной эволюции» от фетишизма к христианству.

В будущем Бог, рожденный воображением, которому поклонялись столетиями, уступит место «Богу истинному», доступному в «чистом эфире мысли». Конечно, это философский Бог. Этому «культу идеала нечего страшиться господства науки». Позитивистскую религию Человечества он отвергает как абсурдную, ибо она проповедует культ без Бога. Хотя философ возвещает для более или менее отдаленного будущего конец религий³⁷, можно утверждать, что человечество ничего не потеряет в своих основных свойствах, способностях и потребностях. Благодаря прогрессу человек станет более свободным и моральным, приобщится подлинному «царству Духа», а значит, реализует то, что содержалось истинного в религии. Каждый из людей от детства к зрелости утрачивает часть когда-то дорогих ему образов и чувств. Но никто не хочет вновь стать ребенком. Так же обстоит дело и с человечеством. «Вера провидца, столь живая, сильная, властная, всего лишь вера воображения»³⁸. Из-за своего фанатизма она принесла немало бед человечеству. Ее историческое время истекло.

³⁷ Étienne Vacherot, *La religion* (Paris: Chamerot et Lauwereyns, 1869), 439.

³⁸ Vacherot, *La religion*, 441.

В сочинении «Наука и сознание» Вашро подвергает анализу одну из важнейших мировоззренческих проблем. Речь идет об «антиномии», касающейся свободы и детерминизма. Философ говорил о кризисе, с которым столкнулись моральные науки в силу бурного роста наук экспериментальных. В то время как сознание подтверждает свободу человека, экспериментальная наука ее упраздняет, придерживаясь жесткого детерминизма. Выход из противоречия, согласно Вашро, может быть найден путем признания истинной части каждой из позиций. Корень проблемы он видит в увлечении учеными материалистическими объяснениями. В самой природе присутствует спонтанность, в то время как материалистическая гипотеза не имеет бесспорных научных доказательств.

Что касается нас, мы думаем вместе с Аристотелем, с Лейбницем, с Мен де Бираном, с г-ном Равессоном, что ни в одной из своих частей мир не отдан полностью механической фатальности <...>. Можно, следовательно, заключить о свободе, об индивидуальности, об автономии человеческого существа не только во имя морального закона, как этого хочет Кант, но во имя самой позитивной науки³⁹.

В произведении «Новый спиритуализм» Вашро говорил о том, что ставил своей целью объединить все те идеи, которые в разрозненном виде содержались в его предшествующих трудах. «Новый спиритуализм – не новая доктрина: это спиритуализм, обновленный посредством науки»⁴⁰. Спиритуализму надлежит включить в круг своих идей методы и бесспорные выводы современных наук.

Истинная онтология – не что иное, как психологическое откровение. Вот метод, принцип, заключение нашей метафизики. Цель этой книги – показать, как позитивная наука ее подтверждает, далекая от противоречия ей⁴¹.

³⁹ Étienne Vacherot, *La science et la conscience* (Paris: Baillière, 1870), 48–49.

⁴⁰ Étienne Vacherot, *Le nouveau spiritualisme* (Paris: Hachette, 1884), I.

⁴¹ Vacherot, *Le nouveau spiritualisme*, IV.

Вашро заявлял о себе как о «свободном ученике» Кузена. Он давно подверг пересмотру эклектизм учителя, но сохранил к нему большое уважение. Вашро не уставал повторять, что метафизика выше утилитарных задач, она не может выступать орудием религии, политики или морали:

Я думаю сегодня все то, что я думал в моей философской юности о Боге, о Провидении, о мире, о человеческой душе, о свободе, о моральном законе. Я нашел в науке, в психологии, в истории только доводы, укрепившие меня в моей мысли⁴².

Характерно, что в среде современников Вашро преобладали критические отзывы о его философии, в то время как последующие исследователи стремились к полнейшей беспристрастности.

Огюст Гратри относил творчество Вашро к «современной софистике», упрекая его в приверженности принципу тождества Гегеля:

Итак, сударь, Вы гегельянец;

что же до немецкого идеалиста, то

Гегель наиболее законченный из софистов. Он отрицает всякую очевидность и утверждает любой абсурд.

В воспроизводстве гегельянства на французской почве Гратри видел особенность эпохи:

Софисты XVIII в. нападали на веру во имя разума; софисты XIX в. атакуют сегодня разум <...> они атакуют сегодня Слово, просвещающее, как вечный свет разума, всякого человека, приходящего в этот мир <...>. Таково развитие интеллектуального разложения⁴⁵.

Эльм-Мари Каро, критикуя концепцию Вашро с позиции спиритуалистической школы, утверждал:

⁴² Vacherot, *Le nouveau spiritualisme*, XII–XIII.

⁴⁵ Auguste Joseph Alphonse Gratry, *Une étude sur la sophistique contemporaine, ou Lettre à M. Vacherot* (Paris: Charles Douniol, 1851), 109, 120, 124–125.

Если вы упраздняете действие разумной Причины, ничто не кажется мне мыслимым, кроме нерегулярности, случайности, беспорядка <...>. Это затруднение свойственно не только доктрине г-на Вашро; оно общее для всех философий, которые упраздняют в истоке вещей разумную Деятельность, Мысль⁴⁴.

Поль Жане, также принадлежавший к спиритуалистической школе, видел в Вашро сурового, не подверженного страстям, бескорыстного философа. Он отмечал, что по многим вопросам Вашро остался верен своей школе: таковы его представления о психологии как фундаменте метафизики, о душе как особом начале, не сводимом к материальным элементам, о моральном законе. Несогласие с Вашро Жане выражал от имени школы в вопросах теодицеи:

именно в определении Бога г-н Вашро расходится со своими старыми друзьями и заменяет теодицею Лейбница теодицеей Гегеля, или французский спиритуализм – немецким идеализмом⁴⁵.

Леон Олле-Лапрюн критиковал концепцию Бога Вашро с позиций религиозной философии:

Это мощный ум <...>. О человеке нужно сказать: это честный человек <...>. Но этот сильный мыслитель – «фантазер» <...>. В самом изложении его метафизики воображение помещает на место и под именем чистых идей фантомы⁴⁶.

А.И. Введенский выделял учение Вашро в качестве особого звена в истории французского спиритуализма. Он также, со своей стороны, констатировал значительность влияния его философских построений на духовный климат XIX в.:

Вашро <...> довершил то развитие мысли, которое начато Бيرانом, продолжено Жюффруа, Равессоном и Лашелье <...>.

⁴⁴ E. Caro, *L'idée de Dieu et ses nouveaux critiques* (Paris: Hachette, 1894), 235.

⁴⁵ Paul Janet, *La crise philosophique. Mm. Taine, Renan, Littré, Vacherot* (Paris: Baillière, 1865), 140.

⁴⁶ Ollé-Laprune, *Etienne Vacherot*, 94, 96, 98.

В глазах представителей спиритуализма первоначального типа (Кузеновского) «новый спиритуализм» является, конечно, философскою ересью и притом весьма тяжкою <...>. Но это не мешает «новому спиритуализму» завоевывать все большие и большие симпатии и оттеснять спиритуализм старого типа с исторической сцены все дальше и дальше⁴⁷.

Введенский считал важной тенденцией современной ему французской мысли стремление к «обоснованию спиритуалистического динамизма», в рамках которого, по его мнению, значительная роль принадлежала, наряду с другими мэтрами философии, также и Вашро.

Альфред Вебер утверждал, что философия Гегеля во Франции повлияла «в особенности на идеализм Вашро»⁴⁸. Жан-Луи Дюма также говорил о родстве историко-философской концепции Вашро с гегельянством⁴⁹. Анжела Кремер-Мариетти отмечает, что предложенная Вашро классификация наук «довольно близка классификации Конта»⁵⁰.

Эмиль Брейе подчеркивал, что внутри спиритуалистической традиции Вашро развивал «эkleктизм совсем другого рода», чем кузеновский. Его учение об идеальном и реальном соприкасается с концепцией Ренана и во многом вытекает из размышлений о философии Гегеля⁵¹.

Рене Верденаль таким образом оценивает ведущую интенцию философа: «Вашро не предаёт “знамя” спиритуализма: попросту говоря, он хотел привести его к свободной мысли», убедившись, что школа Кузена ищет союзников в стане теологии. Исследователь также подчеркивает политический аспект

⁴⁷ А.И. Введенский, *Современное состояние философии в Германии и Франции*. Ч. 2: *Философия в современной Франции* (М.: Ленанд, 2016), 303–305.

⁴⁸ Alfred Weber, *Histoire de la philosophie européenne* (Paris: Fischbacher, 1914), 489.

⁴⁹ Jean-Louis Dumas, «Vacherot», dans *Dictionnaire des philosophes* (Paris: PUF, 1984), 2:2565.

⁵⁰ Angèle Kremer-Marietti, «Vacherot», dans *Encyclopédie philosophique universelle*, sous la dir. d'André Jacob. T. III. *Les oeuvres philosophiques* (Paris: PUF, 1992), 1:2164.

⁵¹ Émile Bréhier, *Histoire de la philosophie* (Paris: PUF, 2004), 1603.

деятельности философа: «Вашро вступает в конфликт с режимом Принца-Президента и проповедует демократию»⁵².

Подводя итоги, следует отметить, что выдвинутый Вашро проект усиления в философии ее научной составляющей вполне правомерно рассматривать в первую очередь как своеобразный ответ на позитивистскую критику метафизики. Вашро попытался спасти метафизику от деструкции, придав ей те свойства, на обладание которыми претендовал ее новый опасный противник, позитивизм. В результате метафизика оказалась существенно деформирована, приобрела черты, не свойственные прежде той (спиритуалистической) школе, в рамках которой состоялся философский дебют самого мыслителя. Прежде всего это нашло выражение в антиклерикализме Вашро, в его концепции Божества.

С позитивизмом учение Вашро сближает как ориентация на достижения наук, так и концепция прогресса. Расходятся же они в понимании природы философского знания, ибо для Вашро, в отличие от Конта, философия – не синтез главных положений и методов различных наук. Разделяет их и концепция религии. Для мировосприятия Вашро, таким образом, имели значение не детали, подробности позитивистского учения, а сам его дух, направленность его философствования.

Понимая, что спиритуализм в его старой форме отнюдь не отвечает критериям научности, на которых настаивает позитивизм, Вашро предпринял усилия по его обновлению. Свообразным подспорьем, наряду с концепцией Кузена, ему послужил идеализм Гегеля. Продолжая в русле установок Кузена рассматривать психологию в качестве опоры метафизики, он разошелся с учителем в отношении результатов анализа данных сознания. Как бы то ни было, при всем многообразии творческих интересов Вашро, его система обладает несомненным единством, скрепляемая концепцией идеала чистого мышления.

Проект Вашро не привел к созданию научной философии будущего, на что рассчитывал его создатель. Главная для него

⁵² René Verdenal, «Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin», dans *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de François Châtelet (Paris: Hachette, 1999), 6:56.

проблема состояла в том, что анализ сознания, призванный служить фундаментом новому спиритуализму, не выдержал проверки временем. Он оказался слишком избирательным, неполным, фрагментарным. В конечном счете в истории философии оказалась гораздо более влиятельной и, пожалуй, продуктивной иная линия спиритуализма, идущая от Лашелье и Равессона к философии жизни Бергсона.

Вместе с тем концепция Вашро – неотъемлемая часть всемирной истории философии, сами неудачи которой служат ценным уроком для будущих поколений. Каковы бы ни были слабые стороны его системы, в концепции Вашро можно выделить элементы, все еще не потерявшие своей актуальности, способные вдохновлять исследователей в самых разнообразных областях: истории философии и религии, теории познания, политической мысли.

Если идея синтеза истории философии с психологией не стала одной из магистральных линий развития интеллектуальной культуры, то сам факт такого рода положения дел не исключает в будущем аналогичных попыток, но более масштабного междисциплинарного охвата, в котором философии была бы отведена своя уникальная роль.

Список литературы / References

- Блауберг, И.И. «Встречи на “тропе философов” (к вопросу о франко-германских философских контактах в XIX в.)». *Вопросы философии*, № 8 (2013): 155–165.
- (Blauberg, Irina I. «[Meetings on the “Path of Philosophers” (to the Question of Franco-German Philosophical Contacts in the 19th century)]», *Voprosy Filosofii*, no. 8 (2013): 155–165. (In Russian)).
- Введенский, А.И. *Современное состояние философии в Германии и Франции*. Ч. 2: *Философия в современной Франции*. М.: Ленанд, 2016.
- (Vvedenskij, Alexei I. [The Current State of Philosophy in Germany and France. Part 2: Philosophy in Modern France]. Moscow: Lenand Publ., 2016. (In Russian)).
- Bréhier, Émile. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004.
- Caro, E. *L'idée de Dieu et ses nouveaux critiques*. Paris: Hachette, 1894.

- Comte, Auguste. *Cours de philosophie positive*. VI tomes. Paris: Baillière, 1864.
- Cousin, Victor. *Histoire générale de la philosophie*. Paris: Didier, 1867.
- Cousin, Victor. *Du vrai, du beau et du bien*. Paris: Perrin, 1884.
- Dumas, Jean-Louis. «Vacherot». Dans *Dictionnaire des philosophes*, 2565–2566. Paris: PUF, 1984.
- Kremer-Marietti, Angèle. «Vacherot». Dans *Encyclopédie philosophique universelle*, sous la dir. d'André Jacob. Tome III. *Les oeuvres philosophiques*, 2164. Paris: PUF, 1992.
- Gratry, Auguste Joseph Alphonse. *Une étude sur la sophistique contemporaine, ou Lettre à M. Vacherot*. Paris: Charles Douniol, 1851.
- Janet, Paul. *La crise philosophique*. Mm. Taine, Renan, Littré, Vacherot. Paris: Baillière, 1865.
- Ollé-Laprune, Léon. *Etienne Vacherot*. Paris: Perrin, 1898.
- Vacherot, Etienne. «Avertissement». Dans Victor Cousin. *Cours d'histoire de la philosophie morale au dix-huitième siècle, professé à la faculté de lettres, en 1819 et 1820*, V–XIII. Paris: Ladrance, 1841.
- Vacherot, Etienne, *Histoire critique de l'école d'Alexandrie*. 3 T. Paris: Ladrance, 1846–1851.
- Vacherot, Etienne. *La métaphysique et la science ou principes de métaphysique positive*. 2 T. Paris: F. Chamerot, 1858.
- Vacherot, Etienne. *La démocratie*. Paris: F. Chamerot, 1859.
- Vacherot, Etienne. *Essais de philosophie critique*. Paris: F. Chamerot, 1864.
- Vacherot, Etienne. *La religion*. Paris: Chamerot et Lauwereyns, 1869.
- Vacherot, Etienne. *La science et la conscience*. Paris: Baillière, 1870.
- Vacherot, Etienne. *Le nouveau spiritualisme*. Paris: Hachette, 1884.
- Verdenal, René. «Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin». Dans *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de François Châtelet, 37–65. Paris: Hachette, 1999.
- Weber, Alfred. *Histoire de la philosophie européenne*. Paris: Fischbacher, 1914.